Десятое декабря (сборник)

Автор:
Джордж Сондерс

Десятое декабря (сборник)

Джордж Сондерс

Новая книга от мастера рассказа Джорджа Сондерса – одного из самых оригинальных и важных писателей своего поколения.

Честные и цепляющие истории о людях, которые нас окружают, задают важные вопросы о самой сущности нашего бытия – что делает нас добрыми и что делает нас человечными? Любовь, отчаяние, война, работа, секс и сознание – Сондерс с уникальной энергией описывает основы нашей реальности.

Смешные, странные и в чем-то даже чеховские, эти рассказы не только раскрывают необъяснимое, но и открывают дверь к человеческому сердцу.

Джордж Сондерс

Десятое декабря (сборник)

George Saunders

Tenth of december

Copyright © 2013 by George Saunders

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пэту Пачино посвящается

Торжество победителя

За три дня до своего пятнадцатилетия Алисон Поуп остановилась на вершине лестницы.

Скажем, лестница была мраморная. Скажем, она спускалась, и все головы поворачивались к ней. Где тут был он {ее особенный}? Приблизившись и чуть поклонившись, он воскликнул: Как столько изящества может умещаться в такой маленькой упаковке? Опа. Он сказал в «маленькой упаковке»? И просто стоял там? Принц с широким лицом, лишенным всякого выражения? Бедняга! Нет уж, в помойку, он явно не {ее особенный}.

А тот, другой, за мистером Маленькая Упаковка, что стоит у домашнего кинотеатра? С толстой фермерской шеей, но при этом с пухлыми нежными губами, он обнимает ее за поясницу и шепчет: Очень сожалею, что вам пришлось только что выслушать слова о маленькой упаковке. Пойдем постоим на луне. Или, ммм, под луной. В лунном свете.

Он сказал «Пойдем постоим на луне?» Если так, то ей придется типа {брови вспорхнули}. А если не последует ироническое подтверждение, то тогда типа. Ах, я не одета для стояния на луне, там же, насколько мне известно, суперхолодно?

Ну, давайте, ребята, не может же она мысленно вечно спускаться по этой мраморной лестнице, да так грациозно! Этот старый седоволосый милашка в тиаре уже готов типа Почему эти так называемые принцы заставляют такую очаровательную девушку до отвращения шагать по лестнице? К тому же у нее сегодня репетиция, и ей еще нужно успеть взять колготки с сушилки.

Проклятие! Чтобы вот столько времени стоять наверху лестницы!

Сделай это там, где, стоя лицом к верху лестницы и держась рукой за перила, ты прыгала вниз через ступеньку, что в последнее время становилось гораздо труднее, потому что ноги кое у кого с каждым днем, кажется, становились все длиннее.

Pas de chat, pas de chat.

Changement, changement[1 - Па-де-ша, шанжман (фр.) – название балетных па.].

Перепрыгнуть через тонкую металлическую фиговину, отделяющую плитку холла от ковра гостиной.

Книксен самой себе в зеркале при входе.

Давай же, мама, иди сюда. Мы не хотим, чтобы миз Кэллоу снова жучила нас за кулисами.

Вообще-то она любила миз К. Такая строгая! И еще любила других девочек в классе. И девочек в школе. Любила их. Все были такие милые. А еще мальчиков из школы. И учителей. Все они старались, как могли. На самом деле она весь городок любила. Милейшего бакалейщика, сбрызгивающего салат! Пастор Кэрол и ее здоровенную уютную пятую точку! Щекастого почтальона, размахивающего пухлыми конвертами! Когда-то здесь был фабричный городок. Не смешно ли? Да что это вообще значило – фабричный городок?

Еще она любила свой дом. За речушкой стояла русская церковь. Такая экзотика! Купол-луковица смотрел в ее окно, еще когда она под стол пешком ходила. И любила Глэдсонг-драйв. Все дома на Глэдсонг были типовые, как в городке Корона-дель-Мар. Это было поразительно! Если у тебя есть друг на Глэдсонг, ты

заранее знаешь, где у него все внутри дома.

Jete, jete, rond de jambe.

Pas de bourree[2 - Па-де-ша, шанжман (фр.) – название балетных па.].

По беззаботному капризу сделать кувырок вперед, вскочить на ноги, поцеловать фотографию мамы и папы, снятую в «Пенниз»[3 - Разговорное название сети американских магазинов «Дей Си Пенни».] тысячу лет назад, в каменном веке, когда ты была такая хорошенькая малявка {поцелуй} с бантом таких размеров, что в дверь не проходил.

Иногда, чувствуя себя такой же счастливой, как теперь, она представляла себе олененка, дрожащего в лесу.

Где твоя мама, маленький?

Не знаю, сказал олененок голосом Бекки, младшей сестренки Хедер.

Тебе страшно? спросила она олененка. Есть хочешь? Хочешь я тебя возьму на ручки?

Хочу, – ответил олененок.

И тут появился охотник: он тащил за рога выпотрошенную мать олененка. Господи Иисусе, ничего себе! Она закрыла олененку глаза и сразу такая Неужели у тебя нет занятия получше, мерзкий охотник, чем убивать маму этого малыша? Ты с виду вроде добрый.

Мою маму убили? сказал олененок голосом Бекки.

Нет-нет, сказала она. – Этот джентльмен уже уходит.

Охотник, пораженный ее красотой, снял канотье или канапе и, опустившись на колено, сказал Если бы я мог вдохнуть жизнь в эту олениху, я бы сделал это в надежде, что ты удостоишь наш старый лоб нежного поцелуя.

Иди, сказала она. Только в наказание тебе не ешь ее. Положи на клеверное поле, разбросай вокруг розы. И поручи хору тихо спеть о ее ужасном конце.

Кого положить? сказал олененок.

Никого, сказала она. Не бери в голову. И перестань задавать столько вопросов.

Pas de chat, pas de chat.

Changement, changement.

Она надеялась, что {ее особенный} окликнет ее откуда-нибудь издалека. Местные мальчики были то, что называется je ne sais quoi[4 - Здесь: сам не знаю что (фр.).], она по этому поводу не испытывала tr?s[5 - Здесь: большой (фр.).] радости, чего уж радоваться, если они обзывали друг друга чокнутыми. Она сама слышала! И стремилась работать на электростанции округа, потому что там выдавали классные форменные рубашки, причем бесплатно.

Так что забить на местных мальчишек. И вдвойне забить на Мэтта Дрея, у которого самый большой рот в округе. Поцеловать его вчера вечером на собрании болельщиков было все равно что поцеловать подземный переход. Жуть! Целоваться с Мэттом – типа на тебя наваливается корова в свитере, которая не знает ответа «нет», и его громадная коровья голова накачана химией, отчего у Мэтта пропадают последние остатки здравого смысла, которого прежде он вовсе не был лишен.

Ей нравилось, что она сама себе голова. Ее тело, ее ум принадлежат ей. Ее мысли, ее карьера, ее будущее.

Ей это нравилось.

Пусть же оно так и будет.

Мы можем немного перекусить.

Un petit repas[6 - Маленький завтрак (фр.).].

Она была особенной? Считала себя особенной? Ах, черт, она не знала. В мировой истории многие были особеннее. Хелен Келлер была феноменальная; мать Тереза была удивительная; миссис Рузвельт была вполне себе ничего, даже несмотря на мужа-инвалида, к тому же она была лесбиянкой с большими старыми зубами еще в те стародавние времена, когда никто и слыхом не слыхивал слов «лесбиянка» и «первая леди». Она, Алисон, была далеко не в той весовой категории, в которой выступали эти дамы. По крайней мере, пока.

Она еще так много не знала! Например, как заменить масло в машине. Или хотя бы проверить его уровень. Как открыть капот. Как испечь брауни. Так неловко быть девушкой и все такое. А что такое ипотека? Ее получают с домом? А когда кормишь грудью, нужно типа выжимать из нее молоко?

Черт побери. Что это за хилая фигура видна через окно в гостиной – бежит рысцой по Глэдстонг-драйв? Кайл Бут – самый бледный мальчишка на земле? Все еще одет в спортивную форму?

Бедняга. Он похож на скелет с прической из восьмидесятых. Его беговые трусы, похоже, времен «Ангелов Чарли» или quoi?[7 - Что (фр.).] Как у него получается так хорошо бегать, когда на теле, похоже, буквально нет мускулов? Каждый день он бежал домой вот так – раздетый по пояс с рюкзаком на спине, а потом нажимал кнопку на пульте от дверей соседнего с их дома и, не тормозя, вбегал в гараж.

Приходилось чуть ли не восхищаться несчастным обалдуем.

Они, маленькие латиносы, выросли вместе, в общей песочнице вниз по речке. Разве они не заходили вместе в воду пописать или для прочих глупостей? Она надеялась, что это никогда не всплывет. Потому что с точки зрения дружбы Кайл опустился практически до уровня Федди Славко, который ходил, откинувшись назад, и постоянно выковыривал что-нибудь из зубов, а достав, нарекал это греческим именем и тут же совал обратно в рот. Мама и папа Кайла ни фига ему не разрешали. Если в кино на уроке «Мировой культуры» показывали голые сиськи, он должен был звонить домой. Все, что ему давали на завтрак в школе, было подписано.

Pas de bourree[8 - Балетный термин (фр.).].

И реверанс.

«Чиз Дудлз»[9 - Название сырных палочек.] низкого качества в старомодном пластиковом контейнере.

Спасибо, мама, спасибо, папа. Еда просто высший класс.

Потрясти пластиковый контейнер, словно промываешь золото, потом предложить воображаемому сборищу несчастных.

Ешьте на здоровье. Могу ли я вам еще чем-нибудь помочь?

Ты уже и без того достаточно сделала, Элисон, снизойдя до разговора с нами.

Но это же неправда! Неужели вы не понимаете: все люди заслуживают уважения? Каждый из нас – радуга.

Да ладно? А ты посмотри на эту большую открытую язву на моем бедном сморщенном боку.

Позвольте, я принесу вам немного вазелина.

Это будет очень кстати. Страшное дело – эта штука.

А что касается идеи про радугу? Она в нее верила. Люди удивительные. Мама супер, папа супер, ее учителя работают не покладая рук, и у них есть свои дети, а некоторые даже разводятся, как, например, миссис Диз, но всегда находят время для своих учеников. Она узнала о миссис Диз такое, что ей особенно понравилось: хотя мистер Диз ставил миссис Диз рога с дамой, которая владеет кегельбаном, миссис Диз по-прежнему лучше всех преподавала этику, поднимала такие вопросы, как Может ли добро победить? всегда ли хороших людей обманывают, потому что плохие более дерзкие? Последним вопросом миссис Диз, похоже, намекал на тетку из кегельбана. Но серьезно! Жизнь – это здорово или ужасно? Люди – они плохие или хорошие? С одной стороны, тот клип, на котором теснят худых бледных людей, а жирные немецкие тетки смотрят, чавкая жевательной резинкой. С другой стороны, иногда сельские жители, даже если их фермы расположены на холмах, задерживаются допоздна,

чтобы наполнить мешки с песком.

На неофициальном опросе, который у них проводился, она голосовала за то, что люди хорошие, а жизнь веселая, и миссис Диз сочувственно посмотрела на нее и продекларировала свои взгляды: Чтобы делать добро, вы должны решить для себя, что будете добрыми. Вы должны быть смелыми. Должны защищать справедливость. Сказав последнее, миссис Диз издала что-то вроде стона. Ну и прекрасно. Интересно, миссис Диз пережила много горя, и ей все еще интересно? Она явно находила в жизни что-то веселое и видела добро в людях, потому что иначе зачем она задерживалась допоздна, читая их сочинения, а на следующий день приходила измотанная, в блузке, надетой задом наперед – перепутала в утренней темноте, дорогая бедняжка с закомпостированными мозгами?

В дверь стучат. В заднюю дверь. Ин-те-рес-но. Кто бы это мог быть? Отец Дмитрий через дорогу? Ю-Пи-Эс? «ФедЭкс»[10 - Ю-Пи-Эс, «ФедЭкс» – курьерские почтовые службы.]? С un petit чеком pour папа[11 - Un petit – маленький; pour – для (фр.).].

Jete, jete, rond de jambe.

Pas de bourree.

Открыть дверь и…

Вот те на – человек, которого я не знаю. Здоровенный парень в жилетке, какие носят люди, считывающие показания со счетчиков.

Что-то говорило ей, что нужно отойти и захлопнуть дверь. Но это показалось ей грубым.

И она замерла, улыбнулась, сделала {брови вверх}, как бы спрашивая: Чем могу вам помочь?

* * *

Кайл Бут промчался через гараж в дом, где большой, похожий на часы индикатор был поставлен на НИКОГО НЕТ. Другие варианты включали: МАМЫ И ПАПЫ НЕТ; МАМЫ НЕТ; ПАПЫ НЕТ; КАЙЛА НЕТ; МАМЫ И КАЙЛА НЕТ; ПАПЫ И КАЙЛА НЕТ и, наконец: ВСЕ ДОМА.

А зачем им вообще понадобилось ВСЕ ДОМА? Если все дома, то разве им это неизвестно? Может, спросить папу? Который в своей превосходной, абсолютно бесшумной столярке внизу сначала нарисовал, а потом и сделал этот самый Индикатор состояния семьи?

Ха.

Ха-ха.

На кухонном островке лежало Рабочее задание.

Скаут: Новая жеода[12 - Жеода – геологическое образование, замкнутая полость, частично или почти целиком заполненная кристаллическим минеральным веществом.]на столе. Размести во дворе, как показано на приложенном рисунке. И никаких отговорок. Сначала граблями пройдись, положи пластик, как я тебе показывал. Потом белую породу. ЭТА ЖЕОДА СТОИТ БОЛЬШИХ ДЕНЕГ. Пжлст, отнесись серьезно. Не вижу причин, по которым это могло бы быть не сделано к моему возвращению домой. Это = пяти (5) рабочим очкам.

Ха, па, ты и вправду считаешь справедливым, что я буду дотемна вкалывать во дворе после тяжелой тренировки на местности, включавшей шестнадцать по 440[13 - 440 – американская дистанция в ярдах для бегунов.], восемь по 880, милю на время, триллиард рывков Дрейка с места и пятимильную индейскую эстафету?

Разуйся, мистер.

Опаньки, опоздал. Он уже подходил к телевизору. И оставил инкриминирующий след в виде микрокомочков. Запрещено. Можно ли собрать микрокомочки

вручную? Хотя проблема: если он вернется, чтобы собрать их вручную, то оставит другой инкриминирующий след микрокомочков.

Он снял обувь и постоял, мысленно репетируя маленькое шоу, которое ему нравилось называть А ЧТО, ЕСЛИ ПРЯМО СЕЙЧАС?..

А ЧТО, ЕСЛИ ПРЯМО СЕЙЧАС они вернутся домой?

Забавная история, папа! Вошел, просто ни о чем не думая! И только потом понял, что сделал! Я догадываюсь, когда начинаю размышлять, что меня в этом радует? А радует меня то, как я быстро исправился! Причина, по которой я вошел не думая, в том, что я хотел сразу же приступить к делу. По твоей записке, пап!

Он в носках понесся в гараж, бросил туда обувь, побежал за пылесосом, пропылесосил комнату, потом понял: рань небесная, он же бросил свою обувь в гараж, а не поставил на специальную обувную подставку как полагается: носками от дверей, чтобы легче было потом надеть.

Он побежал в гараж, поставил свою обувь на подставку, вернулся в дом.

Скаут, услышал он голос отца в голове, тебе кто-нибудь говорил, что и в самом ухоженном гараже на полу бывает масло, растеклось там по плетеному коврику и теперь впиталось в твои носки?

Ну, молодец, тебе конец.

Но нет, вот и на твоей улице праздник: на коврике нет ни капли масла.

Он стянул с себя носки. Ему категорически запрещалось находиться в главном жилом помещении босиком. Если мама с папой вернутся домой и увидят, что он тут тарзанит, как какая-нибудь белая шваль, это будет хер знает что…

Мысленно выругался? – спросил папа в голове. Не прячься, скаут, будь мужчиной. Если хочешь выругаться, ругайся вслух.

Я не хочу ругаться вслух.

Тогда не ругайся в голове.

Мама и папа упали бы в обморок, если бы услышали, как он иногда ругается у себя в голове: пиздосрань говнодерьмо хер-те-в-ухо спермобойня. Ну почему он никак не может прекратить? Они были о нем такого высокого мнения, каждую неделю посылали хвастливые имейлы двум комплектам бабушек-дедушек, вот например: У Кайла ни минутки свободной: и отметки нужно держать, и бегать всякие разные кроссы, хотя он пока еще десятиклассник, если к тому же забыть то немногое время, которое он уделяет каждый день такой фигне, как изготовление пиздососа тыльной ебли…

Да что с ним такое? Почему он не может испытывать благодарность за все, что сделали для него мама и папа, вместо того…

Прочистка ушного пиздосборника.

Замелкодрючить бледные остатки остроконечным доколенным долбуном.

Мозги всегда можно очистить, если больно себя ущипнуть за скромную рукоятку любви.

Опа.

Э, сегодня же вторник, день Большой Раздачи. Еще пять (5) рабочих очков за размещение жеоды, плюс два (2) уже имеющихся рабочих очка, в сумме семь (7) рабочих очков, а если сложить их с его восемью (8) накопленными очками за ежедневную работу, то получим пятнадцать (15) общих очков раздачи, а это значит, что он может получить Большую Раздачу (например, две горсти изюма в йогурте) плюс двадцать минут любой телепередачи по его выбору, хотя о каждом конкретном шоу нужно договариваться с папой во время материализации очков.

Единственное, что ты не будешь смотреть, скаут, это «Самые смелые на язык американские байкеры-внедорожники».

Как скажешь.

Как скажешь, па.

Правда, скаут? «Как скажешь»? И если я заберу у тебя все твои очки и заставлю отказаться от бега по пересеченной местности, как уже тебе обещал, если не увижу более бодрого повиновения, тогда тоже будет «как скажешь»?

Нет-нет-нет. Я не хочу бросать это, па. Пожалуйста. У меня неплохо получается. Ты сам увидишь, на первых же соревнованиях. Даже Мэтт Дрей сказал…

Кто такой Мэтт Дрей? Какая-то обезьяна из футбольной команды?

Да.

Его слово закон?

Нет.

Что он сказал?

А этот говнючок ничего бегает.

Хороший разговор, скаут. Обезьяний. В любом случае ты, может, и не дотянешь до первых соревнований. Твое эго, кажется, выходит из берегов. А почему? Потому что ты умеешь бегать? Бегать умеет каждый. Звери дикие и те умеют.

Я не брошу бег! Дрын анальный говно птичье фашист тыльный! Пожалуйста, я тебя прошу, это единственное, что я более-менее умею! Ма, если он заставит меня бросить, я клянусь…

Драма тебе не идет, мой хороший.

Если ты хочешь иметь привилегию участвовать в командном спорте, скаут, покажи нам, что ты можешь жить в рамках нашей абсолютно разумной системы инструкций, специально разработанной для твоего блага.

Привет.

На парковку святого Михаила только что заехал фургон.

Кайл управляемой благовоспитанной походкой подошел к кухонному столу. Там лежал Журнал трафика Кайла, который служил двум целям: 1) подкрепить аргумент папы, что отцу Дмитрию надлежит построить звуконепроницаемую стену, и 2) собрать данные для предполагаемого проекта к Научной ярмарке для него, Кайла, озаглавленного (папой) «Корреляция заполняемости церковной парковки в зависимости от дня недели со вспомогательным исследованием заполняемости по воскресеньям в течение всего года».

Душевно улыбаясь, словно он получал удовольствие от заполнения журнала, Кайл разборчивым почерком написал:

Тип машины: ФУРГОН.

Цвет: СЕРЫЙ.

Марка: ШЕВИ.

Год выпуска: НЕИЗВЕСТЕН.

Из фургона вышел человек. Один из обычных русо. Словечко «русо» принадлежало к разрешенному сленгу. Наравне с «шорт побери». Наравне с «рань небесная». Наравне с «высерок». На русо была джинсовая жилетка поверх толстовки, и Кайл из опыта знал, что такая одежда для церкви среди русо считается обычной, они вообще иногда приходили из «Джиффи Луб»[14 - Сетевая фирма по автоматической замене масла в автомобиле.] прямо в рабочей одежде.

В графе «Водитель» он написал ВЕРОЯТНО, ПРИХОЖАНИН.

Отврат. Вернее, мерзота. Поскольку этот тип не местный, он, Кайл, теперь должен оставаться внутри, пока тот не покинет окрестности. А это полностью исключало размещение жеоды. Русо проторчит в церкви до полуночи. Какой убыток!

Мужик надел светоотражающую жилетку. Ага, парень считывает показания со счетчиков.

Мужик посмотрел налево, потом направо, перепрыгнул через речушку, вышел на задний двор Поупов, прошел мимо сетки футбольного поля и вырытого бассейна, постучал в дверь Поупов.

Хороший прыжок, Борис.

Дверь открылась.

Алисон.

Сердце Кайла запело. Он всегда думал, что это всего лишь фигура речи. Алисон была как национальное достояние. В словаре в статье «Красавица» нужно поместить ее фотографию в короткой юбке. Хотя в последнее время ее отношение к нему будто испортилось.

Теперь она перешагнула через порог, чтобы считыватель мог ей что-то показать. Что-то электрическое вышло из строя на крыше? Этот тип, казалось, хочет что-то ей показать. Он даже ухватил ее запястье. И типа тащит.

Это необычно. Правда же? Тут ничего необычного никогда не происходило. Так что, может, оно и нормально. Может, этот парень – какой-то действительно новый считыватель счетчиков?

Но Кайл почему-то счел нужным выйти на террасу. Парень замер. У Алисон были глаза испуганной лошади. Парень откашлялся, чуть повернулся, чтобы Кайл кое-что увидел.

Нож.

У считывателя показаний нож.

Значит, слушай меня внимательно, сказал парень. Будешь стоять там, пока мы не уйдем. Шевельнешься – и нож у нее в сердце. Клянусь господом. Понял?

Во рту у Кайла пересохло, и он только и смог что придать своим губам форму, которую они принимали, когда он говорил «да».

Они пересекли двор. Алисон бросилась на землю. Парень поднял ее. Она опять упала. Он ее поднял. Дико было видеть, как Алисон тащат словно тряпичную куклу из идеального двора, сделанного для нее отцом. Она бросилась на землю.

Парень что-то прошипел, и она поднялась, став вдруг покорной.

В груди Кайла билось множество инструкций, Важных и Маловажных, которые он сейчас нарушал. Он стоял на крыльце без обуви, на крыльце без рубашки, стоял не в доме, когда рядом находился незнакомый человек.

На прошлой неделе Шон Болл приволок в школу парик, чтобы точнее подражать красотке Бев Миррен, которая жует свои волосы, когда нервничает. Кайл тогда несколько минут размышлял, не вмешаться ли ему. На Вечернем заседании тогда мама сказала, что считает решение Кайла не вмешиваться благоразумным. Папа сказал, Это не твое дело. Ты мог получить серьезную травму. Мама тогда сказала, Ты подумай, сколько средств мы в тебя вложили, мой хороший. Папа сказал, Я знаю, тебе иногда кажется, что мы с тобой строги, но ты – в буквальном смысле – единственное, что у нас есть.

Они теперь находились у сетки футбольного поля, парень заломил Алисон руку за спину. Она тихо непрерывно издавала звук несогласия, словно пытаясь изобрести шум, который адекватно передаст ее отношение к осенившему ее знанию о том, что произойдет дальше.

Он был всего лишь мальчишкой. Ничего не мог сделать. Он почувствовал, как резко упало давление в груди, так всегда происходило, когда он подчинялся инструкции. У его ног лежала жеода. Он должен смотреть на нее, пока они не уйдут. Большая жеода. Может, больше и не бывает. Кристаллы в вырезе сверкали на солнце. Она будет хорошо смотреться во дворе. Когда он ее уложит. Он это сделает, когда они уйдут. На папу произведет впечатление то, что даже после всего случившегося он не забыл про жеоду.

Заслужил, скаут.

Мы очень довольны, мой хороший.

Супер, скаут.

Рань небесная. Все по плану. Она шла покорно, как актриса, так она и должна была себя вести в его расчетах. Она не выходила из его головы со времени крещения этого… как его. Ребенка Сергея. В русской церкви. Она стояла в своем дворе, ее папаня или типа того, ее фотографировал.

А он такой, «привет, красавица».

А Кенни такой, «Она еще малолетка, братишка».

А он ему такой, «Для тебя, дедуля».

Если изучаешь историю, историю культуры, то понимаешь, что тебе в твое время, время, в котором ты живешь, типа вечно чего-то недодают. Существовали разные теории согласия. В библейские времена царь мог скакать по полю и тыкать пальцем: Вот эту. И ее к нему приводили. Их, как полагается, обручали, а если она рожала сына, супер, выносите знамена, она его хранитель. А в первую ночь она что, ничего не чухала? Может, и нет. Может, дрожала, как лист на ветру? Не имело значения. Имело значение только потомство, продолжение рода. Плюс восторг царя, который способствовал легитимности царской власти.

Вот и речушка.

Он перевел ее через поток.

В матрице решения остались следующие невыполненные пункты: подойти к боковой двери фургона, затолкнуть, влезть следом, обмотать скотчем запястья/рот, пристегнуть к цепочке, произнести речь. Речь он выучил наизусть. Повторял ее в уме и на диктофон. Успокойся, дорогая, я знаю, ты испугана, потому что еще не знаешь меня и не ждала ничего такого сегодня, но дай мне шанс, и ты увидишь, мы высоко взлетим. Смотри, я кладу нож сюда и даже не собираюсь его использовать, видишь?

Если она не захочет идти к фургону, ударить посильнее в живот. Потом поднять, поднести к боковой двери, забросить внутрь, скотчем запястья, рот, пристегнуть

к цепочке, произнести речь и так далее, и так далее.

Стой, подожди, сказал он.

Девчонка остановилась.

Ептвою. Боковая дверь фургона была заперта. В предварительной матрице задания четко было указано: дверь не должна быть заперта. Перед его мысленным взором появился Мелвин. На лице Мелвина застыло выражение искреннего разочарования, которое всегда предшествовало надиранию задницы, которое всегда предшествовало кое-чему другому. Подними руки, говорил Мелвин. Защищайся.

Справедливо, справедливо. Ошибочка. Нужно было два раза проверить предварительную матрицу задания.

Да ерунда.

Радость не страх.

Мелвин мертв вот уже пятнадцать лет. Мама – двенадцать.

Теперь эта сучка повернулась, посмотрела на дом. Такое своеволие – ни в какие ворота. Пресечь в зародыше. Не забыть наказать ее с самого начала, установить правила игры.

Ну-ка повернись, блядь, сказал он.

Она повернулась.

Он отпер дверь, распахнул. Момент истины. Если она войдет, позволит ему завязать себя скотчем, то дело сделано. Он нашел место в Саккете, кукурузное поле одного денежного мешка, туда ведет грунтовка. Если все, наперекор закону бутерброда, пройдет хорошо, то оттуда они выедут на хайвей. Практически, это угон фургона. Это фургон Кенни. Он позаимствовал его на день. В жопу Кенни. Кенни как-то раз назвал его дураком. Ай, как плохо, Кенни, это замечание стоило тебе фургона. Если все пойдет херово, не в ту степь, если

она его не возбудит, как полагается, то он бросит нахер все попытки, посечет как капусту, выбросит то, что останется. Вычистит, как полагается, фургон, купит кукурузы, вернет Кенни машину, скажет, Эй, братишка, тут до хера кукурузы, я бы столько в моей машине не смог увезти. Потом заляжет на дно, почитает, что пишут в газетах о том, как он там поступил с рыжей лахудрой, на которую даже не стои?т…

Девчонка посмотрела на него умоляющим взглядом, типа, Пожалуйста, не надо.

Может, сейчас подходящий момент? Зафигачить ей в живот, чтобы не задавалась?

Подходящий.

Он и зафигачил.

Жеода была великолепна. Какая великолепная жеода. Что делало ее великолепной? Каковы главные характеристики великолепной жеоды? Ну-ка, подумай. Сосредоточься.

Она со временем придет в себя, мой хороший.

Это нас не касается, скаут.

Нас поразила твоя рассудительность, мой хороший.

Он как в тумане отметил, что Алисон получила удар. Глаза уставились на жеоду, и он услышал тихое «ой».

При мысли о том, чему он никак не препятствует, сердце его упало. Крекеры-рыбки у них были взамен монеток. Они строили мостики из камней. Вниз по речушке. Давным-давно. Господи Иисусе. Не нужно ему было выходить. Когда они исчезнут, он войдет в дом и сделает вид, что вообще никуда не выходил, будет строить из конструктора город, когда мама с папой приедут, так и будет строить. А когда ему кто-нибудь скажет об этом? Ну, тут он сделает известное лицо. Он уже чувствовал то лицо, которое сделает, на своем нынешнем, типа

«Что? Алисон? Изнасиловали? Убили? Боже мой. Изнасиловали и убили, пока я тут строил игрушечный город, сидел на полу, скрестив ноги и не подозревая, что маленькую девочку…»

Нет. Нет-нет-нет. Они сейчас уедут. Тогда он сможет войти в дом. Позвонить 911. Хотя тогда все узнают, что он и пальцем не пошевелил. Вся его будущая жизнь будет изгажена. Он навсегда останется парнем, который ничего не сделал. И потом, от звонка не будет никакого толку. Они уже давно исчезнут. Автострада по другую сторону Физерстона, там типа миллион дорог, и развязок, и всяких ответвлений. Значит, решено. Он входит в дом. Как только они свалят. Вали, вали, вали, чтобы я мог войти в дом, забыть, будто ничего и…

И тут он побежал. По лужайке. О господи! Что он делает, что он делает? Черт, срань, сколько инструкций он нарушает! Бежит по двору (плохо для газона); переносит жеоду без защитной упаковки; перепрыгивает через ограду (нагрузка на ограду, которая обошлась в хорошие деньги); выбегает со двора; выбегает со двора босиком; без разрешения входит во Вторичную зону; потом босиком в воду (битое стекло, опасные микроорганизмы), и не только это; боже мой, он вдруг понял, что надумала эта его взбалмошная часть, – нарушение инструкции настолько серьезное, что это уже даже была и не инструкция, поскольку и инструкции не нужно, чтобы знать, насколько категорически запрещается делать…

Он выбежал из речушки – парень так к нему еще и не повернулся – и запустил жеодой в его голову, из которой брызнула странная тонкая струйка крови, казалось, даже еще до того, как череп проломился и парень сел на жопу.

Да! Гол! Развлекуха! Лучше развлекухи для взрослого нет ничего! Развлекуха с невероятной скоростью, еще не известной в истории человечества – на бесшумных газельих ногах преодолеть пространство и уделать этого неуклюжего качка, который иначе, прямо сейчас мог бы…

Что было бы, если бы он не решился?

Господи, что было бы, если бы не решился?

Он представил, как этот тип складывает Алисон пополам, словно светлый мешок для хранения одежды, тащит за волосы, пихает, а он, Кайл, трусливо и покорно

сидит, строит крохотный железнодорожный виадук на свой идиотский детский…

Ё-моё, он промахнулся и шандарахнул жеодой о лобовое стекло фургона, и оно взорвалось, рассыпалось осколками, произвело звук тысяч крохотных бамбуковых музык ветра.

Он вскарабкался на капот фургона, поднял жеоду.

Правда? Правда? Ты собирался погубить ее жизнь, мою жизнь, ты животное, поносный членосос-дыркострадалец? И кто тут теперь кем командует? Дрочила поносная, говноеб…

Он никогда еще не чувствовал себя таким сильным/злым/бешеным. Кто ты такой? Кто твой папа? Что еще он должен сделать? Сделать так, чтобы это животное никому больше не принесло вреда? Ты еще шевелишься, дебил? План у тебя был, мастурбант херов? Хочешь поверх твоего пролома в черепушке еще один – побольше, верзила? Думаешь, я не смогу? Думаешь…

Спокойнее, скаут, ты потерял контроль над собой.

Сбавь обороты, мой хороший.

Спокойно. Я сам себе хозяин.

БЛЯ!

Какого черта? Что он делает на земле? Он что, упал? Кто-то ебнул его по башке? Дерево упало? Черт побери. Он потрогал голову. Посмотрел – рука в крови.

Длинноногий мальчонка наклоняется. Подбирает что-то. Камень. Он почему сошел с веранды? Где нож?

Где девчонка?

Боком, ползком к речушке.

Перелететь через двор.

В ее дом.

В жопу, все пошло в жопу. Лучше линять. С чем – с его красивыми глазами? У него всего, если поскрести, восемь долларов.

Господи боже! Парнишка расхерачил лобовое! Камнем! Кенни это очень не понравится.

Он попытался подняться, но не смог. Кровь текла с него ручьем. В тюрьму он больше не пойдет. Ни за что. Вскроет себе вены. Где его нож? Он себя заколет. В этом было благородство. Тогда люди будут знать его имя. У кого из них хватит духу засамураить себя ударом ножа в грудь?

Ни у кого.

Кишка тонка.

Давай, красавец. Сделай это.

Нет. Король не забирает собственную жизнь. Тот, кто возвышается над другими, молча принимает бессмысленный укор толпы. Ждет, когда поднимется в небеса и снова полетит. И потом, он понятия не имел, куда делся нож. Хотя нож ему и не нужен. Он уползет в лес, убьет какого-нибудь зверя голыми руками. Или изготовит капкан из какой-нибудь травы. Гггг. Что это, он блюет? Ну да. Прямо себе на колени.

Да ты и самое простое дело просрешь, сказал Мелвин.

Мелвин, поимей совесть, ты видишь, как у меня кровь хлещет из башки?

И это сделал мальчишка. Ты пустышка. Тебя паренек отмудохал.

О, сирены, отлично.

Да, для копов это печальный день. Он сразится с ними врукопашную. Он будет сидеть до последней секунды, произнося беззвучно смертельную мантру, которая сосредоточит всю его силу в кулаках, будет смотреть, как они приближаются.

Он задумался о своих кулаках. Это были громадные гранитные валуны. Каждый из них почище, чем дуб инка. Он попытался встать. Ноги почему-то не слушались его. Он надеялся, что копы вот-вот появятся. Голова у него сильно болела. Когда он потрогал, там что-то двигалось. У него на голове словно была шапка из костных осколков. Сколько там швов понадобится? Он надеялся, что будет не слишком больно. Хотя, наверно, будет.

Где этот длинноногий мальчишка?

Ага, вот он.

Наклоняется над ним, загораживает солнце, камень в высоко поднятой руке, кричит что-то, но не разобрать что, потому что в ушах звон.

Потом он увидел, что мальчишка собирается шарахнуть его камнем. Он закрыл глаза и стал ждать, но вовсе не успокоился, наоборот, чувствовал, как внутри разбухает жуткий страх, и если он и дальше будет так же разбухать, осенило его, то есть место, в котором он окажется, и называется оно Ад.

Алисон стояла в кухне у окна. Она описалась. Но это ничего. С людьми такое случается. Когда им суперстрашно. Она отметила это, набирая номер. Руки у нее тогда тряслись. Они и сейчас дрожат. Одна нога как у зайца Топотуна из «Бемби». Господи Иисусе, чего он ей там наговорил. Ударил. Ущипнул. На руке у нее огромный синяк. Как Кайл до сих пор может там торчать? Но вот ведь торчит, в этих своих смешных шортиках, настолько уверенный в себе, что шатается там, сцепил руки на затылке, словно боксер из альтернативной вселенной, где такой тощий парнишка и в самом деле может победить чувака с ножом.

Постой.

Он не сцепил руки. Держит камень, кричит что-то этому чуваку, а тот стоит на коленях, словно заключенный с повязкой на глазах из видео, что они смотрели на истории, и мужик в шлеме сейчас снесет ему голову мечом.

Кайл, не надо, прошептала она.

Несколько месяцев потом ее по ночам мучил кошмар, в котором Кайл опускал камень. Она стояла на террасе, пыталась крикнуть, но ничего не получалось. Он с силой опускал камень. И тогда чувак лишался головы. От удара его голова в буквальном смысле растворялась. Потом тело падало, и Кайл поворачивался к ней с лицом мрачнее тучи: моя жизнь кончена. Я убил этого чувака.

Она иногда спрашивала себя, почему во сне мы не можем сделать самых простых вещей? Типа щенок скулит на битом стекле, ты хочешь его поднять, стряхнуть осколки с лапок, но не можешь, потому что балансируешь на шаре в собственной голове. Или ведешь машину, и тут старик на костылях, и ты вроде как спрашиваешь у мистера Фидера, инструктора по вождению, Мне сворачивать? И он типа кивает, Ну, наверное. А потом ты слышишь глухой удар, и мистер Фидер ставит тебе плохую отметку в журнале.

Иногда она просыпалась в слезах: ей снился Кайл. В последний раз во сне уже появились мама и папа, вроде говорили, Все было не так. Помнишь, Алли? Как это случилось? Скажи. Скажи вслух. Алли, ты можешь сказать маме и папе, как оно случилось на самом деле?

Я выбежала, ответила она. Я кричала.

Верно, сказал папа. Ты кричала. Кричала как резаная.

А что сделал Кайл? спросила мама.

Опустил камень, ответила она.

Плохое дело с вами случилось, ребятки, сказал папа. Но могло кончиться и хуже.

Гораздо хуже, сказала мама. Но из-за вас, ребятки, оно не случилось как хуже. Ты вела себя здорово, сказала мама.

Замечательно себя вела, сказал папа.

Палочки

Каждый вечер в День благодарения мы шли за папой, который тащил костюм Санта-Клауса к дороге и надевал его на что-то вроде распятия, которое он соорудил из металлического шеста на дворе. В неделю розыгрыша Суперкубка на шесте был свитер и шлем Рода, и Роду приходилось спрашивать разрешения у папы, если он хотел снять шлем. Четвертого июля шест превращался в дядю Сэма, в День ветерана – в солдата, на Хэллоуин – в призрака. Шест был единственной уступкой радости, какую делал папа. Нам позволялось брать по одной крайоле из коробочки. На Рождество папа накричал на Кимми за то, что она выкинула яблочную дольку. Когда мы наливали кетчуп, он вился над нами, говорил Хватит хватит хватит. На дни рождения у нас были кексы, но без мороженого. Когда я в первый раз пришел с девушкой, она сказала А что такое с твоим отцом и этим шестом? Я сидел и моргал.

Мы оставили дом, поженились, у нас родились дети, и мы и в себе нашли семена скаредности, которые стали давать пышные всходы. Папа начал облачать шест в более сложные одеяния, используя менее понятную логику. В День сурка он обматывал шест каким-то мехом и вытаскивал прожектор, чтобы была тень. Когда в Чили случилось землетрясение, он положил шест на землю и краской из баллончика нарисовал на земле трещину. Умерла мама, и он облачил шест в костюм Смерти, а на поперечине повесил фотографии мамы в детстве. Мы подходили и видели сложенные вокруг основания старые талисманы из его юности: армейские медали, театральные билеты, старые футболки, тюбики от маминой косметики. Как-то осенью он выкрасил шест в ярко-желтый цвет. А той зимой утеплил шест, обклеив кусками ваты, и добавил приплод, забив в землю по всему двору шесть палочек с перекладинами. Он натянул между шестом и палочками бечевки, привязал к ним письма с извинениями, признаниями ошибок, мольбами о понимании – все это было написано прыгающим почерком на каталожных карточках. Он нарисовал табличку со словом «ЛЮБОВЬ» и повесил ее на шест и еще одну со словом «ПРОЩЕНИЕ?», а потом он умер в коридоре с включенным радио, и мы продали дом молодой паре, которая вытащила шест из земли и в день вывоза мусора оставила его у дороги.

Щенок

Мари уже два раза обращала внимание на сверкание осеннего солнца над идеальным кукурузным полем, потому что сверкание осеннего солнца над идеальным кукурузным полем наводило ее на мысль о доме с привидениями – не о доме с привидениями, который видела на самом деле, а о мифическом, который иногда приходил ей в голову (с кладбищем по соседству и котом на заборе), если она видела сверкание осеннего солнца над идеальным и т. д., и т. д.; и она хотела выяснить, не приходил ли детям в голову такой же мифический дом с привидениями, который приходил им в голову каждый раз, когда они видели сверкание и т. д., и т. д., а если приходил, то он появится и теперь, и они смогут все вместе увидеть его как друзья, как друзья по колледжу, путешествующие без травки, ха-ха-ха!

Но нет. Когда она в третий раз сказала: «Ну-ка, ребятки, проверьте», Эбби сказала «Хорошо, ма, мы видим, это кукуруза», а Джош сказал: «Не сейчас, ма, я завожу тесто для хлеба», что ее вполне устроило; с этим у нее никаких проблем не возникало, «Благородный пекарь» был предпочтительнее «Наполнителя для бюстгальтера» – игры, которую он просил.

Ну кто мог сказать? Может быть, у них в головах и нет никаких мифологических сцен. А может быть, мифологические сцены в их головах совершенно не похожи на те, что в голове у нее. В этом-то и была красота, потому что в конечном счете они были самостоятельным маленьким народцем! А ты всего лишь прислугой. Они не обязаны чувствовать то же, что и ты; нужно поддерживать чувства, которые испытывают они.

Все-таки это кукурузное поле было ого какой классикой.

– Каждый раз, когда я вижу такое поле, – сказала она, – мне в голову почему-то приходит дом с привидениями!

– Нож-ломтерезка! Нож-ломтерезка! – прокричал Джош. – Ты, компьютер-нимрод[15 - Нимрод – игровой компьютер для математической игры. Имел режимы как для игры человека с компьютером, так и для игры компьютера с самим собой.]! Я выбираю это!

Заговорив о Хэллоуине, она вспомнила прошлый год, когда их тележка для покупок наехала на кукурузный стебель и перевернулась. Боже мой, как они над этим смеялись. Семейный смех – чистое золото; у нее в детстве ничего такого не случалось, папа был такой мрачный, а мама стыдливая. Если бы у мамы с папой перевернулась тележка, папа в отчаянии пнул бы тележку, а мама поспешила бы куда подальше, чтобы поправить губную помаду, дистанцировалась бы от папы, а она, Мари, нервно засунула бы в рот своего жуткого пластикового солдатика, которого называла Брейди.

Ну, в этой-то семье смех поощрялся! Вчера вечером, когда Джош дразнил ее своим геймбоем, она выстрелила из тюбика зубной пастой на зеркало, и они чуть не померли от смеха, катались по полу с Гучи, а Джош сказал с такой тоской в голосе: «Ма, помнишь, когда Гучи был щенком?» И вот тогда Эбби расплакалась: ей всего пять, и она не помнит, когда Гучи был щенком.

Отсюда эта Семейная Миссия. А что Роберт? Боже, благослови Роберта! Вот человек. У него бы с этой Семейной Миссией никаких проблем не возникло. Ей нравилось, как он говорил «Хо ХО!» каждый раз, когда она приносила домой что-нибудь новое и неожиданное.

«Хо ХО!» – сказал Роберт, когда, вернувшись домой, увидел игуану. «Хо ХО! – сказал он, когда, вернувшись домой, увидел хорька, который пытался проникнуть в клетку к игуане. – Кажется, мы становимся счастливыми владельцами зоопарка!»

Она любила его за игривость – ты могла привести в дом бегемота, купленного по кредитке (и хорька, и игуану она купила на кредитку), а он бы только сказал: «Хо ХО!» и спросил, что ест этот зверек, и в какие часы спит, и как они, черт побери, наконец, назовут этого кроху.

Джош на заднем сиденье произвел привычный звук «гит-гит-гит», а это означало, что его Пекарь пребывает в Пекарском режиме и пытается затолкать хлеба в духовку, одновременно отбиваясь от разных Голодных Граждан, таких как Лис со вспученным животом и шальной Дрозд, который невероятным образом уносит буханку, нанизав ее на клюв каждый раз, когда ему удается уронить Тюкающий Камень на Пекаря, – все это Мари узнала за лето изучения инструкции «Благородного пекаря», пока Джош спал.

И ей это помогло, правда, помогло. Джош в последнее время не настолько замыкался в себе, и теперь, если она подходила к нему, когда он играл, и говорила что-нибудь вроде: «Опа, детка, я не знала, что ты умеешь печь Ржаной хлеб», или: «Милый, попробуй Ножом-пилкой, он режет быстрее. Да, и попробуй одновременно Закрыть окно», то он свободной рукой тянулся назад и ласково ее гладил; а вчера они так хорошо вместе смеялись, когда он случайно опрокинул ее стаканы.

Так что ее мать могла бы, исполнившись чувством собственной правоты, заявить, что она балует детей. Эти дети не были избалованы. Эти дети были любимы. По крайней мере, она никого из них не оставляла на улице на два часа после школьных танцев. Никогда в пьяном виде никому из них не отвешивала пощечин («Я считаю, что ты неподходящий материал для колледжа»). По крайней мере, никогда не запирала никого из них в стенной шкаф (шкаф!), пока сама в гостиной ублажала настоящего канавокопателя.

О боже, как прекрасен этот мир! Осенние краски, сверкающая река, свинцовые тучи, указующие вниз, словно круглые стрелы, на этот частично перестроенный «Макдоналдс», стоящий над 90-й федеральной трассой, словно за?мок.

В этот раз все будет по-другому, она не сомневалась. Дети сами будут заботиться о животном, потому что у щенка не было чешуи и он не кусался («Хо ХО! – сказал Роберт, когда игуана укусила его в первый раз. – Я вижу, у тебя есть мнение по этому вопросу!»).

Спасибо, господи, думала она, когда «лексус» летел по кукурузному полю. Ты столько мне дал: трудности и силы для их преодоления, милосердие и новые шансы каждый день, чтобы делиться своим милосердием. И душа ее пела, как пела иногда и сама она, когда чувствовала, что мир хорош и она наконец обрела свое место в нем: «Хо ХО, хо ХО!».

Келли опустила шторку.

Да. Великолепно. Все было решено совершенно идеально.

У него найдется много дел. Двор может быть целым миром. Ведь в детстве двор для нее был целым миром. Сквозь три дыры в заборе она видела «Эксон»

(Первая дыра), аварийный перекресток (Вторая дыра), а Третья дыра на самом деле была двумя дырами, и если встать перед ними правильно, то глаза так забавно скашивались, что можно было изобразить Ах, боже мой, я такая пьяная, отвалив в сторону со скошенными глазами типа «Мир вам, мир».

Когда Бо будет постарше, все изменится. Тогда ему будет нужна свобода. Но пока ему нужно было одно: остаться в живых. Один раз они нашли его уже на Тестамент. Аж за 90-й. Как он пересек федеральную трассу? Она знала как. Рывком. Так он пересекал улицы. Один раз им позвонил совершенно посторонний человек с Хайтаун-плаза. Даже доктор Брайл сказал: «Келли, если вы его не обуздаете, мальчик будет на том свете. Он принимает лекарства, что я прописал?»

Он и принимал, и не принимал. От лекарств он начинал скрежетать зубами, а его кулак неожиданно резко опускался. Он так перебил не одну тарелку, а один раз грохнул стеклянную столешницу, и пришлось наложить четыре шва на запястье.

Сегодня Бо лекарства не требовались, потому что он находился в безопасности во дворе, потому что она так идеально все придумала.

Он никуда не пытался уйти, потому что тренировался в броске, набивая свой шлем «Янки» камушками и швыряя их в дерево.

Он поднял глаза, увидел ее и как бы изобразил воздушный поцелуй.

Такой сладкий мальчонка.

Теперь у нее осталась одна забота – щенок. Она надеялась, что звонившая дама все же придет. Щенок был чудный. Белый, с коричневым обводом вокруг одного глаза. Милашка. Если дама появится, наверняка возьмет. А если заберет, то Джимми вздохнет с облегчением. Он и с котятами-то это сделал тогда скрепя сердце. Но если щенка никто не возьмет, он это сделает. Придется. Потому что он считал так: если ты говоришь, что что-то сделаешь, но не делаешь, то от этого дети уходят в наркотики. К тому же он вырос на ферме, или рядом с фермой, а любой, кто вырос на ферме, знает, что, когда речь идет о больных или лишних животных, ты должен делать что должен, – щенок был не больным, а лишним.

Тогда, с котятами, Брайанна и Джесси назвали его убийцей, а Бо стал сам не свой, и Джимми кричал: «Слушайте, дети, я вырос на ферме, а там люди должны делать что должны!» Потом он плакал в кровати, говорил о том, как котята мяукали в мешке всю дорогу до пруда, и он жалел, что вырос на ферме, и она чуть не сказала: «Ты имеешь в виду рядом с фермой» (его отец владел автомойкой близ Кортланда), но иногда, если она слишком умничала, он больно щипал ее за руку, кружась с ней по спальне, словно то место, за которое он щипал, было ее рукояткой, и приговаривал: «Не уверен, до конца ли услышал, что ты сейчас сказала».

И в тот раз после котят она сказала только:

– Ах, дорогой, ты сделал то, что должен был.

А он ответил:

– Пожалуй, но я точно тебе скажу: правильно воспитывать детей – нелегкая задача.

А потом, поскольку она не усложнила его жизнь умничаньем, они принялись строить планы, например, почему бы не продать этот дом и не переехать в Аризону и не купить там автомойку, почему бы не купить детям «Влюбленные в фонетику», почему бы не посадить томаты; а потом они принялись возиться, и (она понятия не имела, почему это вспомнила) он, прижав ее к себе, проделал эту свою штуку: то ли разразился неожиданным приступом смеха, то ли фыркнул с отчаяния ей в волосы, будто чихнул или заплакать собирался.

И она почувствовала себя особенной, если он доверяет ей такое.

Так что бы она хотела сегодня? Продать щенка, рано уложить детей, а потом, когда Джимми увидит, что она все уладила со щенком, они могут немного повозиться, а потом лежать и составлять планы, а он сможет снова рассмеяться или фыркнуть ей в волосы.

Почему этот смех/фырканье так много для нее значили, она не имела ни малейшего чертова представления. Просто такова была одна из странностей того Чуда, Которое Называлась Она, ха-ха-ха.

Бо во дворе вскочил на ноги, внезапно чем-то заинтересовавшись; а, дело в том (вот вам и пожалуйста), что подъехала звонившая по телефону дама?

Опа, а машинка-то ничего, значит, она некстати вставила словечко «дешево» в объявление.

* * *

Эбби завизжала: «Ой, какой хорошенький, я его хочу!»; щенок тусклым глазом поглядывал из коробки для обуви, а хозяйка дома потащилась прочь и – раз-два-три-четыре – подобрала четыре собачьи какашки с ковра.

Опа, а какое полезное практическое занятие для детей, подумала Мари, ха-ха (грязь, запах плесени, сухой аквариум с однотомной энциклопедией внутри, кастрюлька с макаронами на книжной полке, из которой торчит надувная карамельная палочка, оказавшаяся там необъяснимым образом), и хотя у кого-то все это и могло вызвать отвращение (и запасная покрышка на обеденном столе в столовой, и мрачная мама-собака – предполагаемая виновница появления какашек в доме, – которая с выражением идиотского наслаждения на морде села, раздвинув задние ноги, и проехалась задницей по груде одежды в углу), Мари поняла (подавляя в себе желание броситься к раковине и вымыть руки – отчасти еще и потому, что в раковине лежал баскетбольный мяч), что на самом деле все это очень, очень грустно.

Пожалуйста, ничего не трогайте, пожалуйста, не трогайте, сказала она Джошу и Эбби, но сказала только в уме, потому что хотела дать детям шанс увидеть ее демократичность и толерантность, а потом они все смогут помыть руки в частично перестроенном «Макдоналдсе», если только они, пожалуйста, пожалуйста, не будут совать руки в рот и, упаси бог, тереть глаза.

Зазвонил телефон, и хозяйка дома тяжелыми шагами направилась в кухню, где положила на стол завернутые в бумажное полотенце какашки, которые до этого изящно держала в руке.

– Мама, я его хочу, – сказала Эбби.

– Я обещаю его выгуливать типа два раза в день, – сказал Джош.

– Не говори «типа», – сказала Мари.

– Я обещаю его выгуливать два раза в день, – сказал Джош.

О’кей, хорошо, значит, тогда они возьмут в дом собаку белой швали. Ха-ха. Они могут назвать его Зик, купить ему трубку из кукурузного початка и соломенную шляпу. Она представила себе щенка, нагадившего на ковер, вот он смотрит на нее типа «Никак не мок удержаца». Да ладно. Разве она такая уж аристократка? Все может изменяться. Она представила себе выросшего щенка, говорящего с британским прононсом, развлекающего друзей речами вроде: Происхождение моей семьи было, гммм, скорее не было, скажем так, благородных корней…

Ха-ха, ух ты, что за удивительная голова, всегда выдавала на-гора такие…

Мари подошла к окну и, с антропологическим интересом отодвинув жалюзи, была потрясена, настолько потрясена, что отпустила жалюзи и потрясла головой, словно пытаясь проснуться; ее потрясло то, что она увидела: мальчика, на несколько лет младше Джоша, привязанного веревками и цепочкой к дереву с помощью какой-то хрени, которой… она снова отвела жалюзи, уверенная, что не могла видеть то, что видела…

Когда мальчик бросался бежать, цепь вытягивалась. Сейчас он как раз бежал, смотрел на нее, демонстрировал. Когда он выбрал цепь полностью, та резко дернулась, и мальчик упал, будто его пристрелили.

Он сел, подтянулся за цепь, покрутил ею туда-сюда, подполз к миске с водой и, поднеся к губам, сделал глоток – глоток из собачьей миски.

Джош подошел к окну.

Она позволила ему смотреть.

Он должен знать, что жизнь – это не сплошные уроки, игуаны и «Нинтендо». Жизнь – это еще и вот такой мальчик из простых, весь в грязи, привязанный, как животное.

Она вспомнила, как вышла из кладовки и увидела разбросанное нижнее белье матери и металлическую вешалку канавокопателя, увешанную оранжевыми флажками. Она вспомнила, как в одном из старших классов стояла перед школой на жутком морозе, снег усиливался, а она снова и снова считала до двухсот, каждый раз обещая себе, что, досчитав до двухсот, отправится в долгий путь домой…

Господи боже, она на все была готова, лишь бы появился какой-нибудь праведный взрослый, подошел к ее матери, встряхнул хорошенько и сказал: «Ты, идиотка, это же твой ребенок, твой ребенок, которого ты…»

– Так как вы думали его назвать? – спросила женщина, выходя из кухни.

Ее жирное лицо с тоненьким мазком помады излучало жестокость и невежество.

– Боюсь, что мы его в конце концов не возьмем, – холодно сказала Мари.

Какой вой подняла Эбби! Но Джош – ей придется потом похвалить его, может быть, купить ему Пакет расширения для «Итальянского хлеба» – прошипел что-то сестре, после чего они пошли прочь из захламленной кухни (мимо чего-то вроде коленчатого вала на противне, мимо сушеного красного перца, плавающего в жестянке с зеленой краской), а хозяйка дома трусила следом, говоря, постойте, постойте, можете взять его бесплатно, пожалуйста, возьмите – она и в самом деле хотела, чтобы они его взяли.

Но Мари сказала нет, они не смогут взять его сейчас, она чувствовала, что человек не должен что-то иметь, если он не может обеспечить своей собственности надлежащий уход.

– Ох, – сказала женщина, вся обмякнув в дверях; за одно ее плечо цеплялся щенок.

Сев в «лексус», Эбби тихонько заплакала, повторяя:

– Нет, правда, для меня это был идеальный щенок.

Щенок и в самом деле был хорошенький, но Мари ничуть не собиралась потакать дочери в такой ситуации.

Нет – и все.

Мальчик подошел к забору. Если бы только она одним взглядом могла сказать ему, «Жизнь не обязательно будет всегда такой. Твоя жизнь, может быть, расцветет во что-нибудь замечательное. Это может случиться. Это случилось со мной».

Но тайные взгляды, взгляды, которые передавали целый мир смыслов своим тонким бла-бла-бла, – все это была полная ерунда. Не ерундой был звонок в Агентство защиты детей, где у нее была знакомая, Линда Берлинг, такая дама церемоний разводить не станет, увезет этого несчастного малыша с такой скоростью, что тупая голова жирной мамаши завертится, как юла.

– Бо, через секунду вернусь! – прокричала Келли и, разводя кукурузные стебли вовсе не щенячьей рукой, шла и шла, пока не осталось ничего, кроме кукурузы и неба.

Он был такой маленький, когда она поставила его на землю, не шевельнулся, только принюхался и упал.

Да какая разница – утонуть в пакете или умереть от голода среди кукурузы? Тогда Джимми не придется это делать. У него и так забот по горло. Мальчишка с волосами до пояса, с которым она когда-то познакомилась, превратился в старика, сморщенного от забот. Что касается денег, то у нее припрятано шестьдесят. Двадцатку из этих шестидесяти она даст ему и наплетет типа «Люди, которые купили щенка, были очень симпатичные».

Не оглядывайся, не оглядывайся, мысленно повторяла она, несясь по полю.

Потом она прошла по Тилбэк-роуд, словно спортивной ходьбой, как леди, которая ходит каждый вечер, чтобы быть стройной, только ей до стройности как до луны, она знала, а еще она знала, что при спортивной ходьбе не носят джинсы и незашнурованные ботинки. Ха-ха. Она была не какая-то там дурочка.

Просто неправильно выбирала. Она помнила слова сестры Линетт: «Келли, ты достаточно умна, но ты склонна к таким вещам, которые не приносят тебе пользы». «Ну, да, сестра, это точно», – сказала она в уме монахине. Но какого черта. Какого дьявола. Когда с деньгами выправится, она купит себе приличные кроссовки, займется ходьбой и станет стройной. И пойдет в вечернюю школу. Похудеет. Может, с помощью медицинских технологий. По-настоящему стройной она никогда не будет. Но Джимми она нравилась такая, какая есть. И он ей нравился таким, каким есть. Видно, это и есть любовь: тебе нравится человек таким, какой он есть, и ты делаешь, что можешь, чтобы он стал еще лучше.

Вот как теперь: она помогала Джимми, облегчала его жизнь, убивая что-то, чтобы он… нет. Она делает одно: она уходит, уходит от…

Что там она только что сказала? Так здорово у нее получилось. Любовь – это когда тебе нравится человек таким, какой он есть, и ты делаешь, что можешь, чтобы он стал еще лучше.

Вот Бо далеко не идеален, но она любит его таким, какой он есть, и пытается помочь ему стать лучше. Если им удастся его сохранить, может, он с годами выправится. Если выправится, может, он когда-нибудь заведет семью. Вот же он сидит сейчас во дворе, сидит себе тихонько, смотрит на цветочки. Довольный, постукивает своей битой. Он поднял голову, помахал ей битой, улыбнулся своей улыбкой. Вчера, когда его заперли в доме, он был совсем несчастный. Закончил день ревом в кровати, так его выбило из колеи. А кто придумал это дело, благодаря которому сегодня было лучше, чем вчера? Кто любил его так сильно, что до этого додумался? Кто любил так, как никто другой в мире не любил?

Она.

Она его так любила.

Бегство из головогруди

I

– Лактаж? – сказал Абнести по громкой.

– А что там? – сказал я.

– Красава, – сказал он.

– Подтверждаю, – сказал я.

Абнести воспользовался своим пультом. Мой МобиПак

зажужжал. Вскоре Внутренний Сад стал действительно хорош. Все казалось суперчистым.

Как и полагалось, я сказал вслух, что чувствую.

– Прекрасный сад, – сказал я. – Суперчистый.

Абнести сказал:

– Джефф, что, если мы взбодрим твои языковые центры?

– Конечно, – сказал я.

– Лактаж? – сказал он.

– Подтверждаю, – сказал я.

Он добавил в лактаж немного Вербалиста

, и вскоре я, чувствуя все то же самое, говорить стал лучше. Сад по-прежнему был прекрасен. Словно кусты были такие плотные, а солнце все высвечивало. Словно в любой момент могли появиться викторианцы с чаем. Сад словно стал воплощением мечты о доме, всегда свойственной человеческому сознанию. Я вдруг разглядел в этой временно?й виньетке древние рассуждения, которым, вероятно, предавались Платон и некоторые его современники; иными словами, в

эфемерном я чувствовал вечное.

Я сидел, погрузившись в эти мысли, пока действие Вербалиста

не начало проходить. В этот момент сад снова стал прекрасен. Там что-то было про кусты и что-то такое? Отчего возникало желание лечь там, ловить солнечные лучи и думать счастливые мысли. Если вы меня понимаете.

Потом все остальное, что было в лактаже, улетучилось, и я уже ничего особого не чувствовал по отношению к саду. Только во рту сухость и в желудке – обычное пост-Вербалистское

ощущение.

– А в этом что будет прикольного? – сказал Абнести. – Вот, скажем, парень поздним вечером охраняет периметр. Или в школе ждет своего ребенка, и его одолевает скука. Но есть же поблизости какая-то природа? Или, скажем, парковому рейнджеру приходится работать в две смены?

– Это будет круто, – сказал я.

– Это ЭД763, – сказал он. – Мы думаем назвать его Пейзажист. Или, может, Услада Глаз.

– И то и то хорошо, – сказал я.

– Спасибо за помощь, Джефф, – сказал он.

Он это всегда говорил.

– Всего только еще миллион лет, – сказал я.

А это я всегда говорил.

Тогда он сказал:

– Теперь выходи во внутренний сад, Джефф, и направляйся в Малую лабораторию № 2.

II

В Малую лабораторию № 2 прислали и бледную высокую девушку.

– Что ты думаешь? – сказал Абнести по громкой связи.

– Я? – сказал я. – Или она?

– Оба, – сказал Абнести.

– Очень неплоха.

– Знаешь, отличный, – сказала она. – Нормальный.

Абнести попросил нас дать друг другу количественную оценку по таким параметрам, как красота, сексуальность.

Выяснилось, что в количественных показателях мы нравились друг другу в среднем, то есть ни особого влечения, ни особого отвращения.

Абнести сказал:

– Джефф, лактаж?

– Подтверждаю, – сказал я.

– Хизер, лактаж, – сказал он.

– Подтверждаю, – сказала Хизер.

Потом мы посмотрели друг на друга, типа, ну, что теперь?

А теперь случилось вот что: Хизер стала суперкрасавицей. И можно сказать, она думала то же обо мне. Это случилось так неожиданно, мы типа рассмеялись. Как же мы не замечали раньше, насколько оба привлекательны? К нашей радости, в Лаборатории была кушетка. Ощущение было такое, что в наш лактаж, в дополнение к тому, что они там испытывали, добавили немного ЭД556, которая понижает уровень стыдливости ну типа до нуля. Потому что вскоре на этой кушетке мы пустились во все тяжкие. Между нами такое началось – суперстрастное. И не просто как если ты сексуально озабочен. Страстно, да, но еще и по-настоящему. Как если ты всю жизнь мечтал о какой-то девушке – и вот она, рядом с тобой в одной Лаборатории.

– Джефф, – сказал Абнести. – Мне нужно твое разрешение на стимуляцию твоих языковых центров.

– Давай, – сказал я, лежа в этот момент под ней.

– Лактаж? – сказал он.

– Подтверждаю, – сказал я.

– Мне тоже? – сказала Хизер.

– И тебе, – со смехом сказал Абнести. – Лактаж?

– Подтверждаю, – сказала она, и дыхание у нее перехватило.

Вскоре, ощущая преимущества присутствия Вербалиста

в наших лактажах, мы уже не только трахались вовсю, но и очень красиво говорили. Типа вместо всяких сексуальных словечек, которые мы говорили прежде (например: «вау», и «о боже», и «о да» и так далее), стали фристайлить о наших ощущениях и мыслях в возвышенной манере, увеличив на восемьдесят процентов словарный запас, и наши ясно выраженные мысли записывались для последующего анализа.

Что касается меня, то я чувствовал приблизительно так: удивление при осознании того, что эта женщина творится в реальном времени прямо из моего

разума в соответствии с моими потаенными желаниями. Наконец, по прошествии всех этих лет (думал я) я нашел идеальное соотношение тело/лицо/ум, которое персонифицирует все мечты. Вкус ее рта, вид ореола светлых волос вокруг ее ангельского и в то же время проказливого лица (она теперь была подо мной, ноги подняты), даже (не сочтите за грубость или бесчестье возвышенных чувств, которые я переживал) ощущения, которые вызывала ее вагина по всей длине моего входящего пениса, были те самые, которых я всегда жаждал, хотя прежде, до этого мгновения, я не понимал, что так страстно их жажду.

Иными словами: возникает желание и одновременно удовлетворение этого желания. Так, будто я а) жаждал некоего определенного (до того неиспробованного) вкуса, пока б) названная жажда не стала почти невыносимой, во время чего в) я обнаружил, что кусок пищи с точно таким вкусом, который я ощущал во рту, идеально отвечает моей жажде.

Каждое слово, каждое изменение позы говорили об одном: мы всегда знали друг друга, были родственными душами, встречались и любили друг друга в многочисленных прежних жизнях и будем встречать и влюбляться в многочисленных будущих и всегда с теми же трансцендентно оглупляющими результатами.

Потом наступило трудноописуемое, но вполне реальное погружение в серию последовательных воспоминаний, которые лучше всего описать как тип ненарративного мысленного сценария, т. е. ряд туманных воображаемых мест, в которых я никогда не бывал (долина в высоких белых горах, заросшая соснами; дом типа шале в тупике, двор при котором зарос чахлыми раскидистыми сказочными деревьями), каждое из которых пробуждало глубокое сентиментальное томление, томления, которые сливались в – а вскоре сводились к одному центральному томлению, т. е. страстному томлению по Хизер, и одной только Хизер.

Этот мысленный сценарий достиг апогея во время нашего третьей (!) вспышки любовной горячки. (Абнести явно включил в мой лактаж некоторое количество Живитива

.)

После чего наши заверения в любви стали изливаться одновременно, лингвистически сложные, метафорически богатые: позволю себе сказать, мы стали поэтами. Нам позволили пролежать там почти час, и мы лежали, сплетясь конечностями. И это были идеальные ощущения. Невозможная вещь: счастье, которое не вянет, чтобы дать свободу тонким побегам нового желания, возникающего внутри него.

Мы обнимались со страстью/сосредоточенностью, которые соперничали с той страстью/сосредоточенностью, с которыми мы трахались. Я хочу сказать, что в объятиях по сравнению с траханием не было никакой ущербности. Мы сливались воедино на супердружелюбный манер, словно два щенка или супруга, встретившиеся в первый раз после того, как один из них заглянул в глаза смерти. Все казалось влажным, проницаемым, произносимым.

Потом что-то в лактаже стало пропадать. Я думаю, Абнести отключил Вербалист

? А еще стыдопонизитель? Практически все начало идти на убыль. Мы начали процесс (всегда неловкий после Вербалиста

) попыток разговора.

И все же по ее глазам я видел, что она все еще влюблена в меня.

И я определенно все еще чувствовал любовь к ней.

А почему бы и нет? Мы только что три раза оттрахались! Почему, по-вашему, говорят «творите любовь, а не войну»? Вот мы ее и сотворили, целых три раза: любовь.

Потом Абнести сказал:

– Лактаж?

Мы вроде как даже забыли, что он присутствовал за своим односторонним зеркалом.

Я сказал:

– Это обязательно? Нам действительно нравится то, что сейчас.

– Мы хотим попытаться вернуть вас к исходной отметке, – сказал он. – У нас еще сегодня много дел.

– Черт, – сказал я.

– Тьфу, – сказала она.

– Лактаж? – сказал он.

– Подтверждаю, – сказали мы.

Вскоре что-то начало меняться. Я что говорю: она оставалась в порядке. Красивая бледная девушка. Но ничего особенного. И, насколько я видел, она чувствует то же самое касательно меня: И чего это мы вдруг так разгорячились?

Почему мы голые? Мы за секунды оделись.

Вроде как неловко.

Любил ли я ее? Любила ли она меня?

Ха.

Нет.

Потом ей пришло время уходить. Мы пожали друг другу руки.

Она ушла.

Подали ланч. На подносе. Спагетти с кусочками курицы.

Ох как я проголодался.

Весь ланч я думал: чудно? это было. Я помнил, что трахал Хизер, помнил, что чувствовал то, что чувствовал к ней, помнил, что говорил ей слова, которые говорил. У меня даже горло саднило от того, сколько слов я наговорил и как быстро приходилось говорить. Но что касается чувств? У меня в принципе никаких чувств не осталось, ничегошеньки.

Только раскрасневшееся лицо и некоторое чувство стыда, что я три раза трахнулся на глазах Абнести.

III

После ланча появилась другая девушка.

Примерно такая же, обычная. Темные волосы. Среднее сложение. Как и в Хизер при первом появлении, в ней тоже не было ничего особенного.

– Это Рейчел, – сказал Абнести по громкой связи. – Это Джефф.

– Привет, Рейчел, – сказал я.

– Привет, Джефф, – сказала она.

– Лактаж? – сказал Абнести.

Мы подтвердили. В том, что я почувствовал, было что-то очень знакомое. Рейчел вдруг превратилась в суперкрасавицу. Абнести запросил разрешения взбодрить наши языковые центры с помощью Вербалиста

. Мы подтвердили. И вскоре мы и с ней трахались как кролики. Вскоре мы тоже говорили касательно нашей любви, как маньяки, умеющие ясно излагать свои мысли. И опять определенные ощущения возникали в ответ на одновременно появляющуюся отчаянную жажду этих ощущений. Вскоре воспоминание об идеальном вкусе рта Хизер было стерто текущим вкусом рта Рейчел, гораздо более похожим на вкус, которого я жаждал теперь. Мною овладели

беспрецедентные эмоции, хотя эти беспрецедентные эмоции были (в глубине сознания я это осознавал) точно теми же эмоциями, что я чувствовал прежде по отношению к этому кажущемуся теперь недостойным сосуду по имени Хизер. Рейчел была – и я серьезно – тем, что надо, ее жадные рот/руки/лоно – все они были тем, что надо.

Я так любил Рейчел.

Затем появились те же географические воспоминания (смотри выше): те же заросли сосен в долине, тот же дом, похожий на шале, воспоминания, сопровождаемые тем же томлением-по-месту, переходящим в томление (на сей раз) по Рейчел. Продолжая демонстрировать уровень сексуального усердия, который вызывал то, что я бы описал как постепенно затягивающаяся на груди сладостная резиновая лента, одновременно соединявшая нас и побуждавшая двигаться дальше, мы страстно (точно, поэтически) шептали о том, как давно, кажется, мы знаем друг друга, т. е. вечность.

И опять общее число раз наших занятий любовью составило три.

Потом, как и прежде, эмоции начали ослабевать. Наш разговор стал менее возвышенным. Число слов уменьшилось, предложения стали короче. Но я по-прежнему любил ее. Любил Рейчел. Все в ней казалось идеальным: родинка на щеке, черные волосы, легкое подрагивание изредка ягодицами, которым она словно говорила: мммм-ммм, это было высший класс?

– Лактаж? – сказал Абнести. – Мы собираемся попытаться вернуть вас к исходной отметке.

– Подтверждаю, – сказала она.

– Погоди-ка, – сказал я.

– Джефф, – раздраженно сказал Абнести, словно чтобы напомнить мне, что я здесь не по собственному выбору, а из-за совершенного мной преступления и сейчас отбываю срок.

– Подтверждаю, – сказал я.

И окинул Рейчел прощальным взглядом любви, зная (чего пока не знала она), что это последний взгляд любви, которым я смотрю на нее.

Вскоре она стала для меня всего лишь ничем, и я стал для нее всего лишь ничем. Она, как и Хизер, казалась смущенной, как бы: и что это было такое? Чего это меня понесло с таким мистером Посредственность?

Любил ли я ее? Или она меня?

Нет.

Когда ей настало время уходить, мы пожали друг другу руки. То место, где МобиПак

был хирургически имплантирован мне в поясницу, побаливало после всех опробованных позиций. К тому же я был абсолютно без сил. К тому же я был в печали. Почему в печали? Разве я не самец? Разве я не оттрахал двух разных девиц шесть раз за день?

И все же, если откровенно, я чувствовал себя печальнее печального.

Наверное, я был печален оттого, что любовь оказалась ненастоящей. Или не вполне настоящей? Я думаю, я был в печали оттого, что любовь могла казаться такой настоящей, а в следующую минуту исчезнуть. И все из-за манипуляций Абнести.

IV

После перекуса Абнести вызвал меня в диспетчерскую. Диспетчерская – это что-то типа головы паука. А его многочисленные ноги – это наши лаборатории. Иногда нас вызывали работать рядом с Абнести в голову паука. Или, как мы это называли, Головогрудь.

– Сядь, – сказал он. – Посмотри в Большую лабораторию № 1.

В Большой лаборатории № 1 я увидел Хизер и Рейчел, сидевших бок о бок.

– Узнаешь? – сказал он.

– Ха, – сказал я.

– Так вот, – сказал Абнести. – Я хочу дать тебе возможность сделать выбор, Джефф. Вот во что мы здесь играем. Видишь этот пульт? Скажем так, ты нажимаешь эту кнопку, и Рейчел получает некоторое количество Жутковерти

. Или ты нажимаешь эту кнопку, и тогда Жутковерть

получает Хизер. Понятно? Выбирай.

– У них есть Жутковерть

в МобиПаках

? – сказал я.

– У вас у всех есть Жутковерть

в МобиПаках

, дурачок, – дружески сказал Абнести. – Верлен добавил ее туда в среду. В преддверии этого эксперимента.

Услышав это, я занервничал.

Представьте себе свои самые неприятные ощущения, усиленные в десять раз. Это и близко не опишет кошмарное ощущение при приеме Жутковерти

. Когда нам на короткое время в демонстрационных целях давали при его Ориентации, мы получили треть дозы, которая стояла теперь у Абнести на пульте. Я никогда не чувствовал себя так плохо. Все мы такие стонали, опустив головы, как мы вообще могли когда-то думать, что жизнь стоит того, чтобы ее жить?

Даже вспоминать об этом не хочу.

– Так что ты решил, Джефф? – сказал Абнести. – Кто получит Жутковерть

? Рейчел или Хизер?

– Не могу сказать, – сказал я.

– Ты должен, – сказал он.

– Не могу, – сказал я. – Это будет случайный выбор.

– Ты чувствуешь, что твое решение будет случайным, – сказал он.

– Да, – сказал я.

И это отвечало действительности. Мне было все равно. Как если бы я поместил вас в Головогрудь и дал вам право выбора: Кого из этих двух не знакомых вам людей вы бы хотели отправить в тени долины смерти?

– Десять секунд, – сказал Абнести. – Мы проверяем тебя на остаточную привязанность.

Не то чтобы обе они мне нравились. Честно говорю, мое отношение к обеим были совершенно нейтральным. Я словно никогда не видел – я уж не говорю «не трахал» – ни одну из них. (Им и в самом деле удалось вернуть меня к исходной отметке.)

Но получив раз дозу Жутковерти

, я не хотел прикладывать руки к тому, чтобы такую дозу получил кто-то другой. Даже если бы мне сильно не нравился этот человек, даже если бы я его ненавидел, все равно бы не хотел.

– Пять секунд, – сказал Абнести.

– Не могу решить, – сказал я. – Случайный выбор.

– Правда случайный? – сказал он. – Окей, даю Жутковерть

Хизер.

Я сидел молча.

– Вообще-то нет, – сказал он. – Я даю ее Рейчел.

Я по-прежнему сидел молча.

– Джефф, – сказал он. – Ты меня убедил. Для тебя выбор был бы случайным. У тебя и в самом деле нет предпочтений. Понимаю. А потому я могу не делать этого. Понимаешь, что мы сейчас сделали? С твоей помощью? В первый раз. Посредством комбинации ЭД289/290? Которые мы испытывали сегодня? Ты должен признать: ты был влюблен. Дважды. Верно?

– Да, – сказал я.

– Сильно влюблен, – сказал он. – Два раза.

– Я сказал да, – сказал я.

– Но ты только что продемонстрировал отсутствие предпочтений, – сказал он. – Следовательно, у тебя не осталось и следа от двух великих любовей. Ты полностью очистился. Мы высоко подняли тебя, низко опустили, а теперь ты сидишь здесь, испытываешь такие же эмоции, что и до начала нашего эксперимента. Это мощно, это бомба. Мы разгадали вечную тайну. Это все абсолютно меняет! Скажем, кто-то не может любить? А теперь он или она

сможет. Мы сможем его заставить. Или, скажем, кто-то влюблен по уши? Или любит кого-то, кого его или ее опекун считает неподходящим? Мы можем сразу поубавить его пыл. Или кто-то тоскует, потому что ему не отвечают взаимностью? Мы вмешиваемся или вмешивается его или ее опекун – тоски как ни бывало. Мы уже больше не корабли на воле волн в том, что касается контроля над эмоциями. И никто больше не отдан на волю волн. Мы видим дрейфующий корабль, поднимаемся на палубу, устанавливаем руль. Направляем его/ее к любви. Или от любви. Вы говорите: «Все, что вам нужно, это любовь»? Пожалуйста, прошу ЭД289/290. Можем ли мы остановить войну? В наших силах безусловно ее замедлить! Солдаты с обеих сторон неожиданно начинают трахаться. Или, при низкой дозировке, становятся супернежными. Или, скажем, имеются два соперничающих диктатора, люто ненавидящие друг друга. Исходя из предположения, что ЭД289/290 позитивно действует в форме таблеток, позвольте мне подсунуть каждому из них по таблеточке. Скоро они начинают облизывать друг друга, а на их эполеты гадят голубки мира. Или, в зависимости от дозировки, они могут начать обниматься. И кто помог нам все это сделать? Ты помог.

Все это время Рейчел и Хизер сидели там, в Большой лаборатории № 1.

– Все, девочки, спасибо, – сказал Абнести в микрофон.

И они ушли, и ни одна из них не знала, как обе они были близки к получению дозы Жутковерти

после их верчения задницами.

Верлен вывел их через задний ход, то есть не через Головогрудь, а через Проулок, который и не проулок вовсе, а коридор с ковром, ведущий назад в наш Садок. – Ты представь себе, Джефф, – сказал Абнести. – Представь себе, если бы в ту роковую ночь у тебя были преимущества ЭД289/290.

По правде говоря, он мне осточертел: все время говорил про мою роковую ночь.

Я сожалел о той ночи с самого начала, потом стал сожалеть еще сильнее, а теперь так сожалел, что, сколько бы он ни совал мне эту ночь в морду, я уже не мог сожалеть сильнее, а просто думал, что он хер моржовый, и все.

– Могу я теперь лечь? – сказал я.

– Нет еще, – сказал Абнести. – Тебе до сна еще несколько часов.

И отправил меня в Малую лабораторию № 3, где сидел какой-то незнакомый мне тип.

V

– Роган, – сказал тип.

– Джефф, – сказал я.

– Как оно? – сказал он.

– Потянет, – сказал я.

Долгое время мы сидели в напряженном молчании.

Я все время ждал, что вот сейчас вдруг почувствую желание отпялить Рогана.

Но нет.

Минут десять, может, прошло.

У нас появился неадекватный клиент. Я увидел, что у Рогана на шее – татуировка крысы, крысы, которую пырнули ножом, и она плачет. Но и сквозь слезы крыса пронзала ножом крысу поменьше, которая смотрела удивленным взглядом.

Наконец по громкой раздался голос Абнези.

– Хорошо, ребята, спасибо, – сказал он.

– Что это за херня сейчас была? – сказал Роган.

Хороший вопрос, Роган, подумал я. Почему нам позволили сидеть вот так? Точно так же, как позволили сидеть Хизер и Рейчел? И тут меня осенило. Чтобы проверить мое прозрение, я стремглав бросился в Головогрудь. Абнести всегда давал ясно понять, что он не запирает дверь, чтобы показать, как он мне доверяет и не боится нас.

Догадайтесь, кого я там увидел?

– Привет, Джефф, – сказала Хизер.

– Джефф, выйди, – сказал Абнести.

– Хизер, скажи, мистер Абнести просил тебя решить, кому из нас – мне или Рогану – дать немного Жутковерти

?

– Да, – сказала Хизер.

Она, вероятно, получила дозу ПравдоСлова

, потому что говорила правду, несмотря на попытки Абнести испепелить ее взглядом, призывающим к молчанию.

– Ты недавно трахалась с Роганом? – сказал я. – В дополнение ко мне? И тоже влюбилась в него, как влюбилась в меня?

– Да, – сказала она.

– Хизер, я тебе серьезно говорю, – сказал Абнести. – Заткни пасть.

Хизер оглянулась в поисках затычки: на ПравдоСлове

все воспринимается буквально.

Вернувшись к себе, я произвел подсчеты: Хизер трахалась со мной три раза. Вероятно, Хизер трахалась еще три раза и с Роганом, поскольку ради чистоты эксперимента Абнести должен был дать мне и Рогану одинаковые дозы Живитива

.

И все же, если говорить о чистоте эксперимента, то до конца было еще далеко; насколько я знал Абнести, он всегда был поборником точной симметрии, а в данном случае это требовало, чтобы Абнести потребовал у Рейчел решить, кому дать Жутковерть

– мне или Рогану.

После короткой паузы мои подозрения подтвердились: я оказался с Роганом в Малой лаборатории № 3!

И опять мы долго сидели молча. Он в основном почесывал меньшую крысу, а я старался смотреть на него так, чтобы он не видел.

Потом, как и в прошлый раз, по громкой раздался голос Абнести, который сказал:

– Все, ребята, спасибо.

– Дай-ка угадаю, – сказал я. – Там с тобой Рейчел.

– Джефф, если ты не перестанешь это делать, мало не покажется, – сказал Абнести.

– И она отказалась дать Жутковерть

и мне, и Рогану? – сказал я.

– Привет, Джефф! – сказала Рейчел. – Привет, Роган!

– Роган, – сказал я. – Ты сегодня, случайно, не трахал Рейчел?

– Хорошо потрахал, – сказал Роган.

Мои мысли типа заметались. Рейчел трахалась со мной и с Роганом? Хизер трахалась со мной и с Роганом? А тот, кто кого-либо трахал, тот в него и влюблялся, а потом разлюблялся?

Что это за шизанутая такая рабочая группа?

Я что, говорю, я в свое время состоял в разных шизанутых Рабочих группах, в таких, например, в которых лактаж содержал что-то такое, отчего слушание музыки становилось особенным, а потому, когда включали какого-нибудь Шостаковича, вокруг меня словно летали настоящие летучие мыши, или такое, отчего ноги совершенно немели ниже поясницы, и все же я обнаружил, что могу простоять неподвижно пятнадцать часов подряд у липового кассового аппарата, чудесным образом обретя способность производить в уме трудные многозначные расчеты.

Но из всех моих шизанутых Рабочих групп эта была самая шизанутая.

Я не мог не спрашивать себя, что будет завтра.

VI

Вот только пока и сегодня еще не кончилось.

Меня опять послали в Малую лабораторию № 3. Я сидел там, когда зашел этот незнакомый парень.

– Меня зовут Кит, – сказал он и поспешил ко мне, чтобы пожать руку.

Он был высоченным южанином, одни зубы и курчавые волосы.

– Джефф, – сказал я.

– Очень рад познакомиться! – сказал он.

Потом мы сидели и молчали. Стоило мне посмотреть на Кита, как он сверкал зубами и недовольно качал головой, словно говоря: «Странная работенка, правда?»

– Кит, – сказал я. – Ты случайно не знаешь двух таких курочек – Рейчел и Хизер?

– Еще бы не знать, – сказал Кит. И его зубы внезапно приобрели какой-то зловещий вид.

– У тебя, случайно, сегодня не было с ними обеими секса, по три раза с каждой? – сказал я.

– Мужик, ты, что ль, телепат? – сказал Кит. – Потрясно ваще!

– Джефф, ты засрал нам к херам всю чистоту эксперимента, – сказал Абнести.

– Значит, либо Рейчел, либо Хизер сейчас сидят в Головогруди, – сказал я. – И пытаются решить.

– Решить что? – сказал Кит.

– Кого из нас жутковертить

, – сказал я.

– Опа, – сказал Кит, и его зубы засверкали испуганно.

– Не волнуйся, – сказал я. – Она этого не сделает.

– Кто не сделает? – сказал Кит.

– Та, кто там сидит, – сказал я.

– Все, ребята, спасибо, – сказал Абнести.

Потом, после короткого перерыва, мы с Китом снова оказались в Малой лаборатории № 3, где снова сидели и ждали, когда то ли Рейчел, то ли Хизер откажется нас жутковертить

.

Вернувшись в свое Пространство, я составил таблицу, кто кого трахал. Вот что у меня получилось:

Вошел Абнести.

– Несмотря на все твои фортели, – сказал он, – у Рогана и Кита точно такие же реакции, как и у тебя. И как и у Рейчел и Хизер. Никто из вас в критический момент не смог решить, кому дать Жутковерть

. А это супер. Что это значит? Почему супер? Это означает, что ЭД289/290 – настоящая вещь. Она может приносить любовь и забирать любовь. Я почти готов к тому, чтобы начать процесс именования.

– Девушки сделали это сегодня по девять раз? – сказал я.

– МирВсем, – сказал он. – ЛюбвеОбил. Ты, кажется, что-то не в себе. Неважно себя чувствуешь?

– Ну, немного задроченный, – сказал я.

– Ты такой задроченный, потому что еще испытываешь любовь к одной из девушек? – сказал он. – Это нужно отметить. Злость? Чувство собственности? Остаточные сексуальные желания?

– Нет, – сказал я.

– Только честно: ты не оскорблен тем, что девушку, к которой ты чувствовал любовь, отпялили два других парня, и не только это: она потом испытывала то же качество/количество любви к этим парням, как и к тебе, или, как в случае с Рейчел, почти чувствовала к тебе в то время, когда ее отпяливал Роган? Кажется, это был Роган. Возможно, сначала она трахалась с Китом. Потом с тобой, предпоследним. Не помню точный порядок операций. Могу проверить. Но подумай об этом хорошенько.

Я хорошенько задумался.

– Не оскорблен.

– Тут есть много чего анализировать, – сказал он. – К счастью, уже вечер. Рабочий день закончен. Хочешь еще о чем-то поговорить? Что-нибудь еще чувствуешь?

– У меня пенис саднит, – сказал я.

– Ну, ничего удивительного, – сказал он. – Представь, что сейчас должны чувствовать девушки. Я пришлю Верлена с каким-нибудь кремом.

Скоро пришел Верлен с кремом.

– Привет, Верлен, – сказал я.

– Привет, Джефф, – сказал он. – Сам намажешь или помочь?

– Сам, – сказал я.

– Класс, – сказал он.

И я видел, он и в самом деле так думает.

– Видно, что болит, – сказал он.

– Болит, – сказал я.

– Но тогда-то, видать, было неплохо? – сказал он.

Судя по его словам, он мне завидовал, но по его глазам, смотревшим на мой пенис, я видел, что он совсем не завидует.

А потом я уснул мертвым сном.

Как говорят.

VII

На следующее утро я еще спал, когда по громкой раздался голос Абнести.

– Помнишь вчерашнее? – сказал он.

– Да, – сказал я.

– Когда я спрашивал, какую из девушек ты бы хотел видеть под Жутковертью

? – сказал он. – А ты сказал никакую?

– Да, – сказал я.

– Меня это вполне устроило, – сказал он. – Но Протокольный комитет возражает. Возражают Три всадника Заднепроходности. Зайди сюда. Начнем – нам понадобится провести что-то вроде Процесса подтверждения. Ох, это такая гадость!

Я вошел в Головогрудь.

В Малой лаборатории № 2 сидела Хизер.

– На этот раз, – сказал Абнести, – согласно требованию Протокольного комитета, я не буду спрашивать у тебя, какой из девушек дать Жутковерть

, Протком считает это слишком субъективным. Мы дадим этой девушке Жутковерть

независимо от того, что скажешь ты. Потом посмотрим, что ты скажешь. Как и вчера, ты получишь лактаж в виде… Верлен? Верлен? Где ты? Ты здесь? Как это называется, еще раз? У тебя есть проектное задание?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Па-де-ша, шанжман (фр.) – название балетных па.

2

Па-де-ша, шанжман (фр.) – название балетных па.

3

Разговорное название сети американских магазинов «Дей Си Пенни».

4

Здесь: сам не знаю что (фр.).

5

Здесь: большой (фр.).

6

Маленький завтрак (фр.).

7

Что (фр.).

8

Балетный термин (фр.).

9

Название сырных палочек.

10

Ю-Пи-Эс, «ФедЭкс» – курьерские почтовые службы.

11

Un petit – маленький; pour – для (фр.).

12

Жеода – геологическое образование, замкнутая полость, частично или почти целиком заполненная кристаллическим минеральным веществом.

13

440 – американская дистанция в ярдах для бегунов.

14

Сетевая фирма по автоматической замене масла в автомобиле.

15

Нимрод – игровой компьютер для математической игры. Имел режимы как для игры человека с компьютером, так и для игры компьютера с самим собой.

Купить: https://tellnovel.com/sonders_dzhordzh/desyatoe-dekabrya-sbornik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити